

САРАТОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

11 ЯНВАРЯ. ГОДЪ ВТОРЫЙ. 1866 ГОДА.

№ 2.

ОТДЕЛЬ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Декабря 7 дня 1865 года. О томъ, чтобы Епархіальныя начальства, при расходованіи отпускаемыхъ изъ казны суммъ, обращали должное вниманіе на дѣйствующія нынѣ по сему предмету постановленія.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, усматривая изъ дѣлъ своихъ, что мѣстные епархіальные начальства, пропуская сроки, установленные Высочайше утвержденными 22-го мая 1862 года смѣтными правилами для расходования ассигнованныхъ изъ казны суммъ по смѣтѣ Духовнаго вѣдомства на епархіальные надобности, входятъ впослѣдствіи съ представленіями объ исходатайствованіи дополнительнаго отпуска, для удовлетворенія подрядчиковъ и рабочихъ за произведенныя ими поставки и работы, между тѣмъ какъ, по окончаніи означенныхъ сроковъ, оставшіеся неизрасходованными суммы причисляются къ свободнымъ ресурсамъ Государственнаго Казначейства и не могутъ быть передаваемы въ распоряженіе Епархіальныхъ Управленій, всѣ же суммы, назначаемыя Духовному вѣдомству по смѣтѣ, распредѣляются въ началѣ года безъ остатка, и слѣдовательно дополнительнаго ассигнованія не представляется возможности сдѣлать, Приказали: Въ предупрежденіе подобныхъ упущеній со стороны мѣстныхъ духовныхъ начальствъ, предписать по Духовному вѣдомству указомъ, чтобы духовными мѣстами и лицами, коими расходуются назначаемыя изъ казны по смѣтамъ суммы, обращено было должное вниманіе на условія отпуска суммъ по Высочайше утвержденнымъ въ 22-й день мая 1862 года смѣтнымъ правиламъ, а также и по другимъ издаваемымъ Правительствомъ касательно введенія новаго кассоваго

порядка постановленіямъ, и въ особенноти на сроки выдачь по ассигновкамъ распорядителей кредитовъ, указанные въ ст. 38 и 39 упомянутыхъ правилъ 22-го мая 1862 года, послѣ которыхъ платежи на счетъ заключенной смѣты допускаются не иначе, какъ по сообщеніи въ Казенныя Палаты мѣстными распорядителями производства расходовъ, ко дню наступленія сроковъ заключенія смѣты, подробныхъ именныхъ списковъ кредиторовъ казны, съ означеніемъ причитающихся имъ по смѣтнымъ статьямъ выдачь, по коимъ ассигновки еще не были отосланы въ кассу, за произведенныя уже работы и поставки, или, другими словами, ко времени окончанія льготнаго срока всѣ счета за прошедшій годъ должны быть кончаемы, ибо казна производитъ послѣ этого срока выдачи только по означеннымъ спискамъ, въ которыхъ сообщаются ей тѣ поставщики, рабочіе и другія лица, которымъ распорядители отпуска суммъ не успѣли произвести выдачь или дать ассигновокъ на Казначейство.

Декабря 17 дня 1865 года. О дозволеніи церковнымъ причтамъ употреблять изъ кошельковыхъ суммъ до 50

*руб. сер. на починки церквей и приобретение для них
необходимых вещей, безъ разрѣшенія Епархіальнаго
Начальства и о проч.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предло-
женіе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24
минувшаго ноября за № 6007, о томъ, что ГОСУДАРЬ
ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданиѣйшему докладу его, Г.
Оберъ-Прокурора, въ 23 день ноября, въ поясненіи 12
и 13 п. Инстр. Церк. Стар. 1808 г. апрѣля 17 (Собр.
Зак. № 22971), согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго
Синода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: предоставить
церковнымъ причтамъ со старостою производить, на
счетъ кошельковыхъ суммъ, мелочныя починки въ го-
родскихъ и сельскихъ церквахъ, цѣною не болѣе 50-ти
рублей, не испрашивая разрѣшенія Епархіальнаго На-
чальства, но съ вѣдѣнія Благочиннаго, исключая почи-
нокъ въ алтарѣ, съ нарушеніемъ существенныхъ частей
алтаря, на кои испрашивать благословеніе Епархі-
альнаго Архіерея. Таковую же сумму изъ кошельковыхъ
денегъ предоставляется церковнымъ причтамъ, по согла-
сію съ старостами, безъ разрѣшенія Епархіальнаго На-
чальства, но съ вѣдѣнія Благочиннаго, употреблять въ

расходъ единовременно на приобретение необходимыхъ для церкви богослужебныхъ и поучительныхъ книгъ, приобретение и исправленіе утвари, ризницы, а также на починки и поправки въ церковныхъ домахъ, если ремонтное содержаніе и исправленіе таковыхъ домовъ, по особымъ постановленіямъ не относится въ обязанности прихожанъ. Изложенныя выше правила распространяются также и на монастыри, но съ тѣмъ различіемъ, что Настоятелямъ монастырей Епархіальнаго вѣдомства съ совѣтомъ старшей братіи, дозволяется употреблять въ расходъ изъ монастырскихъ экономическихъ суммъ на означенныя въ тѣхъ правилахъ предметы, единовременно до 500 рублей, а соборамъ Лавръ и настоятелямъ Ставропигіальныхъ монастырей единовременно до 2000 рублей. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ должному исполненію, дать знати по Духовному вѣдомству указами, а для объявленія о всеобщее свѣдѣніе сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ.

Декабря 18 дня 1865 года. О дозволеніи Епархіальнымъ Начальствамъ совершать постройки и починки зданій церковныхъ, монастырскихъ и по Архіерейскимъ домамъ на сумму до 5 т. р. сер., безъ учрежденія строительныхъ комиссій.

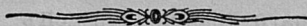
По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 25 минувшаго ноября за № 6006, о томъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 23 день ноября, въ измѣненіе 154 ст. Уст. Дух. Конс., согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: постройки и починки зданій церковныхъ, монастырскихъ и по Архіерейскимъ домамъ, производимыя не на счетъ казны, дозволить Епархіальнымъ Начальствомъ совершать на сумму 5 т. р. сер., тѣмъ же порядкомъ, какимъ по вышеозначенной статьѣ производятся постройки и починки, не превышающія 1500 р. т. е. безъ учрежденія особыхъ строительныхъ комиссій. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ должному исполненію, дать знать по Духовному вѣдомству указами; а для объявленія во всеобщее свѣдѣніе сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоаннія Епископа Саратовскаго и Царицынскаго, отъ 18 декабря 1865 года за № 7471.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему рапорта Вашего Преосвященства Святѣйшему Синоду отъ 23 минувшаго ноября за № 5570, о заботливости Вашей по улучшенію матеріальнаго быта духовно-учебныхъ заведеній Саратовской Епархіи, въ 17 день сего декабря Высочайше повелѣть соизволилъ объявить Вашему Преосвященству Высочайшее благоволеніе Его Величества, за содѣйствіе къ улучшенію содержанія духовно-учебныхъ заведеній ввѣренной Вамъ Епархіи.

На отношеніи семъ Его Преосвященство резолюціею предписалъ: О Всемиловитѣйшемъ вниманіи Государя Императора къ улучшенію содержанія Духовно-учебныхъ заведеній въ Саратовской Епархіи напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ; а духовенству объявить благодарность за усердное содѣйствіе сему благому дѣлу.

ПРАЗДНЫЯ МѢСТА:

1. СВЯЩЕННИЧЕСКОЕ.

Кузнецкаго уѣзда въ селѣ Кунчеровѣ, VI класса, за смертію священника *Константина Образцева*.

2. ПРИЧЕТНИЧЕСКІЯ:

Сердобскаго уѣзда въ селѣ Свищевкѣ, V класса, за смертію дьячка *Ивана Тихомирова*.

Кузнецкаго уѣзда въ селѣ Камышлейкѣ, VI класса, за смертію пономаря *Ивана Потоцкаго*.

Балашевскаго уѣзда въ селѣ Залѣсянкѣ, V класса, въ перемѣщеніемъ пономаря *Федора Дюленова* на дьяческое мѣсто въ слободу Три Острова къ Успенской церкви, на мѣсто уволеннаго за штатъ дьячка *Николая Семеновскаго*.

ИЗВѢСТІЯ.

Окончившій курсъ воспитанникъ Саратовской Духовной Семинаріи *Флегонтъ Духовниковъ*, согласно его прошенію, 29 минувшаго декабря уволенъ изъ духовнаго звѣна въ свѣтское.

— Состоявшій въ числѣ заштатнаго духовенства села

Малиновки, Балашевского уѣзда, дьячекъ *Петръ Козмолинскій* 8 минуваго декабря померъ.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ въ селахъ: Лаптѣ, Камышинскаго уѣзда, крестьянинъ *Никифоръ Фокъевъ*, на первое трехлѣтіе на мѣсто умершаго крестьянина *Іосифа Степанова*; Терсѣ Волгскаго уѣзда крестьянинъ собственникъ *Тихонъ Пырковъ* на четвертое трехлѣтіе, и Хвалынскій мѣщанинъ *Филиппъ Хръновъ* къ Хвалынскій Крестовоздвиженской церкви на второе трехлѣтіе.

Въ слѣдствіе ходатайства Конференціи Императорской академіи наукъ, *объявляется признательность Епархіальнаго Начальства* священнику Петровскаго уѣзда, села Сердобы *Василію Введенскому* за его безкорыстное содѣйствіе къ обогащенію любопытными предметами Музея Императорской академіи наукъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

П Р И Т Ч А

о потерянной драхмѣ (Лук. XV, 8—10).

(РАЗМЫШЛЕНІЕ).

«Какая женщина, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну драхму, не зажегъ свѣчи, не станетъ мести комнату и искать тщательно, пока не найдетъ?»

Прямой смыслъ этой притчи ясно высказывается въ обращеніи Спасителя къ слушателямъ Его, мытарямъ и грѣшникамъ, которыхъ Онъ милостиво принималъ, умиротворяя смятенную грѣхами ихъ совѣсть своею кроткою, простою, одушевленною святымъ чувствомъ любви, рѣчью, — и надмѣннымъ фарисеямъ, гордость которыхъ посрамлялъ своимъ близкимъ и милостивымъ обращеніемъ съ грѣшниками, достойными, по ихъ понятію, всякаго презрѣнія и чуждоту души которыхъ обличалъ, разоблачая своимъ всевѣдніемъ ихъ мнимую святость, прикрытую красивою чаружностію нѣкоторыхъ добродѣтелей, ис-

полняемыхъ болѣе по обряду и на показъ. *Тако глаголю вамъ, радость бываетъ предъ Ангелы Божиими о единомъ грѣшникѣ кающемся!* «О томъ, кого вы (фарисей) презираете, радуются небеса!» Такимъ образомъ прежде всего Спаситель сказанною притчею возбуждаетъ и возстановляетъ упавшій духъ грѣшниковъ и унижаетъ мнимую фарисейскую праведность.—Итакъ, впавшій во грѣхъ не унывай, а сдѣлавшій что либо доброе не гордись!

Нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ говоритъ кающійся Царь--Давидъ, (Пс. XXXVII, 4). Такъ глубоко и сильно потрясаетъ грѣшника истинное, чувство раскаянія! А такое чувство возбуждается въ насъ при безпристрастномъ разсматриваніи дѣйствій нашей души. — Каковы наши дѣйствія? При всѣхъ благодатныхъ средствахъ, при всегда готовой помощи свыше *мы во тьмѣ ходимъ и истинны въ насъ нѣтъ.* Изъ сердца должна бы исходить жизнь. Но сердце наше живетъ не для Бога, а для міра.... *Идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше.* (Мѡ. IV; 21.) А жизнь для міра—не жизнь, но смерть. (Мар. VII; 21) Слѣдовательно изъ сердца исходитъ не жизнь, а смерть. Сердце наше предано міру:и умъ измышляетъ всѣ возможныя средства къ удовлетворенію сердечной преданности. Преданное корысти, оно побуждаетъ умъ изыскивать средства къ обогащенію,—преданное честолюбію,заставляетъ думать лишь о томъ, какъ бы возвыситься надъ другими,-преданное рос-

коши, помышляетъ о разнообразныхъ чувственныхъ удовольствіяхъ. Какъ въ тѣлѣ нашемъ изъ сердца разливается жизнь по всѣмъ членамъ; такъ и въ душѣ нашей, изъ сердца, какъ силы чувствующей и любящей, разливается жизнь духовная на всѣ силы души.

Чтожь теперь долженъ почувствовать тотъ, чей духовный взоръ, благодатию Божіею, обратится во внутренность своей души? Не должно ли потрястись все его существо, когда онъ увидитъ мерзость заустѣнія тамъ, гдѣ должна бы царствовать святость?— *Измью на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. VII; 7.) Вотъ эти-то слезы и спасительны; изъ такихъ то слезъ и возрастаетъ истинная радость; въ такихъ-то слезахъ и блаженство. И такъ кающійся грѣшникъ плачетъ, но не предавайся унынію! Ты стоишь на краю пропасти,— содрогнешься, смотря въ эту пропасть, но ты все еще не погибъ: да не увлечетъ тебя туда уныніе и отчаяніе! Обрати свой взоръ къ небесамъ и вспомни, Кто сошелъ оттуда на землю спасти тебя—погибшую драхму. Вспомни, что, когда преклонивый небесе находитъ тебя—погибшую драхму, *радость бываетъ предъ Ангелами о тебѣ единомъ, кающемся грѣшникъ*. Тебя давить скорбь о твоёмъ окаянствѣ: вспомни, какъ кротко и умирительно зоветъ тебя и хочетъ успокоить Спаситель твой: *приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы* (Мѡ. XI, 28). И такъ какъ сердце есть ис-

ходяще живота, то воззови прежде всего ко Господу: сердце чисто созижди во мнѣ, Боже! Спасительная благодать оросить сердце твое водою, текущею въ жизнь вѣчную. Охлажденное и иссохшее, оно оживетъ, къ нему привѣтся сѣмя добра, возрастетъ и принесетъ обильный плодъ.

Но спасеніе твое содѣлывай со страхомъ и трепетомъ. *Знѣ супостатъ твой діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого полотити* (1 Пет. V, 8). Много у тебя враговъ спасенія твоего, но самый лютой и страшный— діаволъ. Онъ низвергъ родъ нашъ съ высоты Ангельскаго достоинства; онъ насадилъ и укоренилъ сѣмя зла между людьми, и покрылъ ихъ тьмою смертною. Онъ дерзалъ искушать самаго Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа. Приступалъ съ дерзкою къ нему просьбою искушить и Апостоловъ: *Симоне, Симоне! се сатана прѣситъ васъ дабы съязъ, яко пшеницу; Азъ же молихся, да не оскудѣетъ въра твоя, и ты нѣкогда обрѣщя утверди братію твою.* (Луки XXII, 32). Сколько было подвижниковъ благочестія, и кому онъ не успивался сдѣлать зла, стараясь низвергнуть въ бездну нечестія. Еще твой врагъ— лукавая плоть твоя съ ея похотьми. *Кійждо отъ своея похоти искушается влкомъ и прельщаемъ. Плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть и сія другъ другу противятся* [Галат. V 17]. И этотъ врагъ такъ тяжелъ, что самые высокіе

подвижники благочестія не знали, какъ избавиться отъ него. Апостоль Павелъ восхищенъ былъ до третьяго небесе, но и онъ съ прискорбіемъ взывалъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (Рим. VII, 24)? А миръ, а люди, духъ времени!... Человѣкъ по тѣлесной своей природѣ составляетъ часть природы видимой и находится въ непосредственной съ нею связи, душою же касается міра Ангеловъ. Но онъ забылъ указанную ему цѣль въ небесахъ, весь, такъ сказать, зарылся въ землю; до того предался служенію плоти, что на предметы видимой природы смотрять не какъ на средство, но какъ на цѣль своего бытія. Вспомните исторію открытія Америки—Европейцы Христіане обнаружили такую жадность къ золоту, что Индѣйцы дикари язычники, нашедши кусокъ золота и показывая его другъ другу, съ изумленіемъ говорили: вотъ богъ Христіанскій! Не отличаетъ ли между прочимъ и Самъ Спаситель въ притчѣ, которая послужила поводомъ къ нашему размышленію, крайней нашей привязанности къ деньгамъ? Драхма монета самая ничтожная. Ее потеряла женщина. Чтоже? Поискавши ее немного, нельзя ли было успокоиться, въ предположеніи, что, при случаѣ, найдется. «А еслибы и не нашлась, потеря не велика. Живъ Господь— жива душа моя!» Но нѣтъ!—Она зажигаетъ свѣчу, мететъ свою горницу, ищетъ ее тщательно и до тѣхъ поръ не успокоивается, пока не находитъ. И нашедши

не можетъ скрыть своей радости о ничтожной находкѣ. Сзываетъ даже сосѣдовъ, чтобъ онѣ раздѣлили ея радость.

И въ мірѣ находимъ великія препятствія ко спасенію! Кто же здѣсь виноватъ: міръ или мы? Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: *міръ во злѣ лежитъ, и: вся яже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская.* [1 Іоа. II, 16]. Чтоже намъ дѣлать? Куда бѣжать отъ міра?—Въ пустыню? Конечно, уединеніе ослабляетъ узы, связывающія насъ съ міромъ. Тамъ, тѣ условія, при которыхъ мы живемъ въ мірѣ, падаютъ сами собою. Тщеславіе, пышность, зависть, надмѣнность безъ отношенія къ другимъ не должны имѣть мѣста. Но можетъ ли и пустыня пресѣчь всѣ наши отношенія къ міру. Доколѣ мы соединены съ плотію, до тѣхъ поръ наши отношенія къ міру прекращены быть не могутъ. Доколѣ съ нами плоть, до тѣхъ поръ въ насъ и страсти и похоти, до тѣхъ поръ, слѣдовательно, и влеченіе къ міру, которое мы должны обзывать и поставлять въ надлежащія предѣлы. И пустыня не есть назначеніе для человѣка, но призваніе для нѣкоторыхъ. Человѣку назначено жить въ обществѣ, служить ему, и въ свою очередь пользоваться услугами другихъ. Самыя слова Апостола Іоанна: *вся, яже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская,* уже даютъ понять, что вся причина зла и корень грѣха заключаются въ

насъ самихъ. Все, что въ мірѣ, или возбуждаетъ вождѣ-
ленія плоти, или удовлетворяетъ желанію смотрѣть на
красоту земную, или льститъ нашему тщеславію. И Ева
прельщенная простираетъ руку къ запрещенному плоду,
потому что онъ льститъ ея вкусу, плѣняетъ ея взоръ
красотою, возбуждаетъ суетное желаніе знать многое, и
быть чрезъ то не ниже Бога. *И видѣ жена, яко добро дре-
во въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти и красно есть
еже разумѣти; и вземши отъ плода его и яде.* [Быт. III, 6]
Древо было невиннымъ поводомъ къ преступленію, а
влеченіе къ оному-изнутри, — изъ сердца, въ которомъ
лукавымъ духомъ возбуждены преступныя желанія. По
сотвореніи было *все добро зло.* (Быт. 1, 31). Хотя ви-
димая природа разстроена грѣхомъ, земля проклята въ
дѣлахъ человѣка, но природа не вовсе утратила тѣ со-
вершенства, какими одарена отъ Бога при сотвореніи.
И до сихъ поръ *небеса повѣдаютъ славу Божію, творе-
ніе же руку Его возвыщаетъ твердь* (Пс. XVIII, 1).
*Невидимая Его отъ созданія міра, твореньми помыш-
ляемы видима суть и присносущная сила Его и божес-
тво.* (Рим. 1, 20) *Всяко твореніе Божіе благо, и нич-
тоже отмытно, со благодареніемъ приеменно.* И такъ гдѣ же
корень зла? Въ насъ самихъ! *Откуда брани и ссоры
въ васъ? не отъ сластей ли, воюющихъ во удѣхъ вашихъ.*
(Іак. IV, I)? И такъ подавите въ себѣ корыстолюбіе: не
будетъ васъ прельщать и золото. Подавите сладострастіе

и чувственные удовольствия не будут для вас привлекательны. Уничтожьте духъ любоначалія: и слава земная не смутитъ васъ. «Чтоже, послѣ сего, дѣлать на землѣ? И какъ все это исполнить?». Исполнить все это можно, безъ сомнѣнія, при помощи благодати Божіей. Богатому юношѣ, похвалившемуся исполненіемъ закона, Спаситель сказаль: *иди, продай имъніе твое и раздай нищимъ; и имъти имани сокровище на небеси.* Юноша былъ такъ привязанъ къ богатству земному, что не желаль въпрямьнать его на сокровище небесное и—удалился огорченный. Господь въ этомъ живомъ примѣрѣ показаль, какъ трудно богатому войти въ царство небесное, гдѣ никакая земная привязанность не имѣеть мѣста. Ученики, еще непросвѣщенные свыше Духомъ Святымъ, дивились и говорили: *ктоже можетъ спасенъ быти? Господь сказалъ имъ: отъ человекъ сіа невозможно отъ Бога же вся возможна суть.* (Мѡ. X, 16—26). Чтоже дѣлать на землѣ?—Исполнять свое земное назначеніе для неба, исполнять обязанности того званія и состоянія, въ какое кто призванъ Промысломъ Божіимъ, и притомъ своихъ намѣреній и дѣйствій не ограничивать лишь приобрѣтеніемъ земныхъ сокровищъ, не имѣть въ виду дожить до такого времени, когда бы можно было сказать: *душе! имани блага многа, лежаща на тѣта многа: яждь, ній и весемься, а жить своимъ сердцемъ для вѣры, надежды*

и любви, чтобъ, наконецъ, оставивъ тлѣнное тлѣнному, съ симъ нетлѣннымъ сокровищемъ перейти въ вѣчность.

Грѣхъ есть такая нравственная, заразительная болѣзнь, которая легко переходитъ отъ одного къ другому (Ис. XXIV, 5) и, ясно, чѣмъ кто болѣе имѣеть предрасположенности къ этой заразѣ, тѣмъ она скорѣе тому сообщается и тѣмъ быстрѣе охватываетъ его душу.

Эта зараза тѣмъ опаснѣе, что, кромѣ предрасположенности къ ней, съ нашей стороны, враждебная намъ невидимая сила употребляетъ всякія средства провести ее въ наши души, усиливая съ притомъ побѣдить всякое сопротивление. *Вражду положу [*] между тобою и между женою, между стѣменемъ твоимъ и стѣменемъ твоемъ.*

(Быт. III, 15). Сѣмя зла, посеянное діаволомъ, скоро принесло горькіе плоды, по роду своему. Каинъ изъ зависти и досады убилъ брата своего Авеля. Праведный Ной, проповѣдникъ правды Божіей, терпѣлъ оскорбленія отъ противившихся ему, нечестивыхъ современниковъ, забывшихъ Бога (1 Пет. III; 20). Лотъ подвергался опасности лишиться жизни отъ развращенныхъ содомлянъ и спасенъ лишь Ангелами. Дико-правный Исавъ возбуждаетъ вражду и гоненіе на благоправнаго брата сво-

[*] Сказалъ Господь древнему змію.

его Иакова. Незлобивый Иосифъ прородается слогими завистливыми братьями въ Египетъ, и тамъ невинно ввергается въ темницу. Неблагодарные Израильтяне, въ пустынѣ, ропщутъ на Бога и на Моисея. Раздражительный и мстительный Саулъ гонитъ вроткаго Давида. Ревнителя Божіа Илію ищетъ погубить нечестивая Іезавиль. Друзіи же руданіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узамы, и темницею, каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ меча умроша: проигоша въ милотехъ, и козихъ кожахъ, мшени, скорблице, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ, въ пустыньхъ скитающеса, и въ горахъ, и въ вертъпахъ и въ пропастьхъ земныхъ. [Евр. X, 36—39]. Наконецъ, всѣхъ ветхозавѣтныхъ страдальцевъ за благочестіе вѣнчаетъ Небесный и Божественный Страдалецъ, Ходатай Новаго Завѣта, Спаситель нашъ, Господь Іисусъ, который всѣмъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ, намъ вѣрующимъ въ Него Христіанамъ, оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. [1 Петр. II, 21]. Посему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей..., съ терпѣніемъ будемъ проходить подлежащее намъ поприще, взирая на Начальника и Совершителя вѣры Іисуса, Который, вмѣсто подлежавшей Ему радости, претерпѣлъ врестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную престола Божіа. (Евр. XII, 1. 2).

«Ктоже нынѣ будетъ гнать за благочестіе? Не внушаются ли
 «намъ уроки благочестія съ самыхъ раннихъ лѣтъ, какъ
 «только лишь начинается проявляться сила разумнѣя? Не
 «раскрываются ли правила вѣры и благочестивой Христіанс-
 «кой жизни съ тѣхъ поръ, какъ дѣтя изъ домашняго воспи-
 «танія поступаетъ подъ воспитаніе испытанныхъ настави-
 «ковъ и блюстителей добра и порядка, до тѣхъ поръ, пока
 «будучи уже взрослымъ оставить это воспитаніе»? Жат-
 ва многа, и—дѣлателей не мало. Нива, на которой свѣ-
 ется сѣмя слова Божія, простирается до предѣловъ все-
 ленной. Христовы сѣятели святаго сѣмени слова Божія,
 со всею ревностію, воздѣлываютъ неоранную землю.
 Господь посылаетъ плодотворную росу благодати своей.
 Сѣмя растетъ. Но въ то же время растутъ и плевелы. Не
 доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ: откуда убо
 плевелы? Пришелъ ночью врагъ и посѣялъ плевелы. И,
 выростая, они нерѣдко заглушаютъ и пшеницу (Мѣ, III,
 24—30, 37—41) *Нѣсть наша брань къ крови и плоти,
 но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ
 тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ и къ ду-
 ху, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сыньхъ противленія.* (Еф.
 VI, 12. II, 2). Онъ то—главнымъ образомъ воздвигаетъ
 тлетворный вѣтръ неправого ученія и поражаетъ имъ
 сыновъ противленія. Были во времена Апостоловъ, суть
 и нынѣ мнози *непокориви, суесловцы и умомъ прель-
 щени, ихъ же подобаетъ уста заграждати, иже вся*

домы развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ (Тит. 1, 10. 11]. Новое ученіе прельщаетъ потому только, что оно ново, потому что рарушаетъ старое, потому что излагается такимъ мыслителемъ, остроуміемъ котораго восхищается публика, хотябы это новое ученіе далеко не было согласно съ ученіемъ Св. Писанія и Св. Церкви, о которыхъ модный мыслитель забылъ и думать. Если при свѣтѣ слова Божія и Православія обнаружится вся ложь этого ученія, то движитель его скажетъ, что время идетъ впередъ, старое не ко времени, хотя и самъ долженъ быть увѣренъ, что святая истина всегда нова и никогда не старѣеть—отдѣляется самыми болкими и наглыми островами, которыми увлеченная и прельщенная имъ публика готова рукоплескать. Того, кто слѣдуетъ, на примѣръ, ученію Спасителя о крестѣ, образованные и просвѣщенные сыны вѣка сего считаютъ человѣкомъ по меньшей мѣрѣ страннымъ: «съ чѣмъ, по ихъ мнѣнію, сообразно распинать плоть со страстями и похотями?» И вотъ боясь лишь такого названія многіе легкомысленно и работѣнно слѣдуютъ духу вѣка.

Ты же, вѣрующая душа христіанская, не увлекайся всякимъ вѣтромъ ученія. Не всякому духу вѣруй, но испытывай духовъ. *Всякій духъ, иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, сей есть антихристовъ.* (1 Иоа. IV, 3). А кто отвергаетъ ученіе Иисуса Христа, тотъ не можетъ вѣровать и въ самаго Христа. Но напрас-

но стали бы хвалиться своимъ новымъ ученіемъ современные мыслители. Были и въ древнія времена образованные мыслители. Были и въ древнія времена образованные Еллины, которые ученіе Христово считали странностію. Мы же проповѣдуемъ Христа распята, Иудеямъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самѣмъ же званнымъ Иудеямъ же и Еллиномъ Христа Божію силу и Божію премудрость. Слово бо крестное погибающимъ убо юродство, а спасаемымъ намъ сила Божія, говоритъ Апостоль Павелъ [1, Кор. 1; 23. 24]. Тѣмъ же убо, братіе, скажемъ словами того же Апостола (2 Сол. II; 14), стойте и держите преданія, имъ же научистесь или словомъ, или посланіемъ [Апостольскимъ], т. е. посты соблюдайте, старшихъ почитайте, наставниковъ помните и уважайте, молитесь Богу съ благоговѣніемъ, дома, или въ храмѣ Божіемъ, не стыдитесь.

«Тако—вотъ въ чемъ состоитъ благочестіе! Да—это «ханжество!» Противъ этого достаточно сказать только, что то, что дѣлается отъ души, по внутреннему настроенію, а не съ тѣмъ, чтобъ быть видимымъ другими, не есть лицемѣріе и ханжество. Фарисей, въ храмѣ, молясь предъ Серцевѣдцемъ, желая снискать Его милость, хвалился своими добродѣтелями, которыя онъ исполнялъ лишь по обычаю, какъ обрядъ, или даже на показъ. «Пощусь два раза въ недѣлю, отдаю десятую часть отъ всего, что получаю, не граблю, не притѣсняю, какъ

«тотъ мытарь,—собиратель податей». Но этотъ презрѣнный собиратель податей глубоко сознавалъ свое достоинство, не только хвалиться чѣмъ либо, но даже очей возвести на небо не смѣлъ отъ множества грѣховъ и лишь въ слезахъ взывалъ:» «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному». Молитва мытаря услышана; изъ храма Божія онъ вышелъ оправданъ, а Фарисей лишь изъ тщеславія, наружно исполнявшій нѣкоторыя добродѣтели, не снискалъ предъ Богомъ милости,—былъ осужденъ (Лук. XVIII; 10—14). *Аще, не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не увидите въ царствіе Божіе* (Лук. V 20). Фарисей, внѣшно исполняя законъ и держась буквы его а не духа, по крайней мѣрѣ признавали надъ собою силу закона, чувствовали себя обязанными исполнять его; въ настоящее же время, по легкомыслию ли или по убѣжденію превратно направленнаго, и одностороне развитаго ума модные мыслили не исполняютъ ни прямыхъ внушеній слова Божія, ни священныхъ преданій, вполне согласныхъ съ духомъ онаго.

Вся жизнь Христіанина есть ни что иное, какъ покаяніе и подвигъ. А кающемуся приличны ли грубыя чувственныя наслажденія? Не долженъ ли онъ всегда думать о средствахъ угодить Тому, Кого непрестанно оскорбляетъ? Послѣ сего молитва и постъ не должны ли составлять жизнь Христіанина?

Если жизнь Христіанина есть покаяніе и подвигъ: то

свойственно ли Христіану высомѣріе и самообольщеніе? Если съ Зеленѣющимъ деревомъ(*)это дѣлають, то съ сухимъ что будетъ?» (Лук. XXIII, 31). Если Спаситель такъ тужилъ о грѣхахъ міра, что душа его была прискорбна даже до смерти: чтоже дѣлать намъ, когда вся наша праведность ни что иное, какъ лишь нечистая одежда, (Ис. LXIV; 6), когда мы, и по совершеніи всего повелѣннаго намъ, оказываемся рабами непотребными? Грѣхопаденія кто разумѣеть? *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. XVIII; 13). Мы такъ часто, такъ много и обыкновенно грѣшимъ, что и сами того замѣтить не въ состояніи. А кто уже совершаетъ свое восхожденіе изъ тьмы къ свѣту, тотъ знаетъ, какъ съ каждымъ шагомъ увеличиваются препятствія, какъ скользокъ, неудобенъ и крутъ путь, по которому онъ идетъ, какъ легко оборваться и низринуться въ бездну адову! *Мняйся стояти блюдется, да не падеть.*

Чувство беззаконій, содѣланныхъ тобою, сокрушаетъ составъ твой: обратись ко Христу; кроткій Его гласъ возбудить въ душѣ твоей радость и веселіе, такъ, что возрадуются съ душею твоею и смиренныя кости твои. Но бойся всегда высокомѣрія и мнимой праведности, и всег-

(*) Невинно страдающимъ Спасителемъ.

да помни, что сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожитъ.

М. Х. Смирновъ.

ПОУЧЕНИЕ

ПРОТИВЪ ТѢХЪ РОДИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ И САМИ МАЛО БЫВАЮТЪ ВЪ ЦЕРКВИ И ДѢТЕЙ СВОИХЪ НЕ ПРИУЧАЮТЪ КЪ ЦЕРКВИ БОЖІЕЙ.

Когда мнѣ случалось посѣщать дома ваши, Православные Христіане, и спрашивать:—бываютъ ли дѣти ваши, въ воскресенье и праздничные дни, въ церкви Божіей,—то нѣкоторые изъ васъ отвѣчали: «Нѣтъ, они давно уже не были въ церкви; самимъ-то намъ некогда ходить; мы все въ суетѣ, да въ работѣ, а безъ насъ и дѣти мало ходятъ въ церковь».

Худо, братіе, что вы и сами рѣдко бываете въ храмѣ Господнемъ, да и дѣтей своихъ не приучаете къ церкви Божіей. Господь четвертою заповѣдью своего закона заповѣдалъ намъ въ воскресенье и праздничные дни оставлять житейскія занятія и всецѣло посвящать эти дни на служеніе Ему Единому, т. е. ходить въ храмъ Господень и творить другія святыя дѣла. А ты и самъ нару-

шаешь заповѣдъ Господню, да и дѣтей своихъ приучаешь къ тому же; самъ не ходишь въ церковь, да и дѣтей не посылаешь. Христіанское ли это дѣло? Не дашь ли ты строгій отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ и за себя, и за дѣтей, коихъ отвлекаешь отъ церкви Божіей? Богъ далъ тебѣ дѣтей не для того только, чтобы ты вскормилъ да вспоилъ ихъ; но и для того, чтобы ты воспиталъ ихъ въ страхѣ Божіемъ *и въ ученіи Господни*, т. е. научилъ бы ихъ всему доброму. А гдѣ твое дитя можетъ лучше научиться доброму, какъ не въ храмѣ Господнемъ? Въ храмѣ Господнимъ совершается и божественная служба, и молитвы; тамъ совершается все спасительное для души;— все напоминаетъ о Богѣ и служеніи Ему: икона, свѣча и всякая священная вещь. А потому дитя твое въ храмѣ Господнемъ привыкаетъ и къ молитвѣ и къ службѣ Божіей, и къ слушанію слова Божія, и ко всему спасительному. А къ чему дитя навываетъ отъ юности, то остается съ нимъ, большею частію, на всю жизнь; потому то благочестивые, родители, заботившіеся о спасеніи души дѣтей своихъ, приучали ихъ къ церкви Божіей съ малолѣтства. Такъ Пресвятая Богородица отведена была своими родителями даже на воспитаніе при храмѣ Господнемъ.— Не будете приучать дѣтей къ церкви Божіей, они не научатся доброму: дома они занимаются яденіемъ, пустословіемъ, часто ссорами между собою и всякими глупостями. Не привыкнувъ къ доброму съ

малолѣтства, онѣ остаются такими же и на всю жизнь; отъ того, пришедши въ возрастъ, бываютъ безпечны, холодны ко спасенію своей души, не усердны къ храму Божію, нарушаютъ святые дни Господни, не исполняютъ Христіанскаго долга—исповѣди и причастія Св. Таинъ, бываютъ своевольны и ко всѣмъ не почтительны, такъ что служить то лько въ тягость своему семейству и обществу. — «У тебя нѣтъ времени и самому идти въ церковь и дѣтей вести туда же?» — Какъ?.. На твои занятія Богъ далъ тебѣ много времени; а ты не пойдешь для него и нѣсколько часовъ, чтобъ побывать въ св. храмѣ Его?! Нѣтъ, другъ мой, такими словами ты только прикрываешь свою лѣность и нерадѣніе о спасеніи души своей и неусердіе къ храму Господню. Добрый христіанинъ найдетъ время и случай быть въ церкви, онъ и самъ идетъ и дѣтей ведетъ туда же. Когда богобоязненные православные Христіане бываютъ въ храмѣ, скажи по совѣсти—чѣмъ ты занимаешься въ это время? Или спишь или проводишь время въ пустыхъ разговорахъ въ домѣ, на улицѣ, на базарѣ, или занимаешься какиминибудь дѣлами, свойственными днямъ будничнымъ; а иногда просто сидишь въ какомъ—нибудь увеселительномъ мѣстѣ. Для такихъ суетныхъ и даже грѣшныхъ занятій находишь время, а побыть какойнибудь часъ или два въ храмѣ Господнемъ у тебя нѣтъ времени?! Не явное ли это нерадѣніе о спасеніи своей души? не явное

ли это оскорбленіе святыхъ дней Господнихъ? Я замѣтилъ, что у каждаго изъ васъ на такіе случаи есть свои отговорки. Одинъ говоритъ: «я, человѣкъ мастеровой, далъ слово человѣку сдѣлать вещь ко времени и — не успѣлъ: поневолѣ долженъ заняться отдѣлкой вещи въ день праздничный; иначе потеряю довѣріе, лишусь заказовъ на будущее время.» Другой: — «я живу у хозяйина, только и доводится поработать на себя въ праздничный день.» Или, — «я человѣкъ торговый, когда же и поторговать, какъ не въ праздникъ, что продамъ въ праздникъ, то только и есть (??)». Хлѣбопашецъ отзывается: — «я занимаюсь хлѣбопашествомъ; теперь рабочее время, надо убирать хлѣбъ и въ праздникъ, хоть и съ грѣхомъ по поламъ». И каждый изъ васъ имѣетъ свою отговорку. Ахъ, други мои, мы только и думаемъ о своихъ выгодахъ, о корысти, а не о душѣ своей. Вспомните что сказалъ Спаситель въ Св. Евангелии о такихъ людяхъ: *какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ?* (Марк. 8, 36). Что пользы, если бы ты на землѣ сдѣлался самымъ великимъ богачемъ, но лишился бы царствія небснаго и сталъ бы мучиться на томъ свѣтѣ въ огнѣ вѣчномъ? Ужели ты потерпишь убытки оттого, что не будешь нарушать святые дни Господни? Развѣ Господь Богъ оставляетъ когда безъ пропитанія тѣхъ, кто исполняетъ святую волю Его? Нѣтъ, — Царь Давидъ изжилъ вѣкъ и не видѣлъ

оставленнымъ праведника и стѣни его просяща албы. Помни, что весь успѣхъ въ дѣлахъ нашихъ зависитъ отъ воли Божіей. Ты думаешь подспорить дѣламъ своимъ работою въ воскресенье и праздничные дни; а Богъ можетъ повести ихъ по своему: или пожаръ истребить въ одинъ часъ все твое имущество, или болѣзнь отниметь у тебя силы къ работамъ, или накажетъ тебя неурожаемъ и другимъ какимъ бѣдствіемъ, такъ что ты можешь остаться ни причемъ и въ этой жизни, да и въ будущей пострадешь за грѣхи твои. Правда, бываютъ особыя обстоятельства, что никакъ нельзя идти въ церковь; въ такомъ случаѣ посылайте дѣтей въ храмъ Господень съ родными или знакомыми, а при всякомъ удобномъ случаѣ идите и сами съ ними. Когда бываетъ нужда житейская, употребляете всѣ способы для своей пользы, просите и родныхъ и знакомыхъ, чтобы они помогли и вамъ и дѣтямъ вашимъ. Такъ поступайте и въ дѣлѣ спасенія: изыскивайте всѣ способы для пользы души своей и пользы душъ дѣтей вашихъ. А вы дѣлаете иначе: лѣтомъ ссылаетесь на то, что вамъ некогда вести дѣтей въ Церковь, а зимою — дѣтямъ вашимъ ходить не въ чемъ. А бѣгать по улидѣ есть въ чемъ? Въ Церковь ходить холодно, а заниматься ссорами, булачными боями не холодно? Въмѣсто того, чтобы дѣти уничтожали одежду въ играхъ, пусть онѣ сберегутъ ее для Церкви Божіей; пусть даже идутъ

въ Церковь въ той одеждѣ, въ которой работаютъ, или выходятъ на улицу. Богъ смотритъ не столько на одежду, сколько на простое дѣйственное сердце и охоту къ храму Божию.—

Будьте же, Прав. Христіане, усердны къ матери нашей—Церкви, посѣщайте Св. Храмы Господень во спасеніе душъ вашихъ. Аминь.

Священникъ *Г. Архангельскій.*

27 ноября 1865 г.

Саратовъ.

ДѢЙСТВІЕ БЛАГОДАТИ БОЖІЕЙ ВЪ ОБРАЩЕНІИ ГРѢШНИКА НА ПУТЬ СПАСЕНІЯ.

Три года я священникомъ въ селѣ N, и вотъ годъ, какъ я познакомился съ однимъ господиномъ, о которомъ и хочу вести рѣчь. 186... года лѣтомъ пріѣхалъ къ намъ въ село одинъ молодой человекъ лѣтъ 25 и поселился въ чистенькомъ домикѣ. Домъ этотъ, стоявшій на горѣ и окруженный темнымъ, непроходимымъ лѣсомъ, принадлежалъ сначала одному помѣщику, потомъ поступилъ во владѣніе крестьянъ и теперь былъ проданъ вновь пріѣхавшему господину. Этотъ господинъ, или, какъ называли его крестьяне, «баринъ» сначала нигуда

не выходилъ, потомъ недѣли чрезъ двѣ я увидалъ его въ церкви. Физіономія его была одна изъ тѣхъ, какія съ перваго же раза бросаются въ глаза и возбуждаютъ любопытство во всякомъ, кто только успѣлъ взглянуть на нее. Несмотря на его молодые годы, лицо его было помято, морщины индѣ легли цѣлыми складками и невольно говорили, что не безъ потрясеній и бурь прошло его юношество. Онъ сталъ часто посѣщать нашу церковь, и не только въ праздникъ, даже и въ будни можно было видѣть его молящимся гдѣ нибудь въ углу, при слабомъ мерцаніи лампадки. Онъ всегда приходилъ рано, уходилъ поздно и каждый разъ съ какимъ-то особеннымъ благовѣніемъ цѣловалъ крестъ и бралъ у меня антидоръ. Появленіе такого господина, пріѣхавшаго не знаю откуда, незнаю зачѣмъ, и, какъ слышно, разчитывавшаго остаться жить у насъ навсегда, его нелюдимость и особенно религіозность—все это заинтересовало меня, и я рѣшился познакомиться съ нимъ какимъ-бы то нибыло образомъ, но познакомиться съ нимъ было довольно трудно.

Прошло лѣто, вотъ ужъ и зима на исходѣ.... Животворныя лучи февральскаго солнца начали уже тревожить лодяную кору земли; въ полдень часто понадались маленькія лужа, дороги почериѣли и въ воздухѣ уже слышалось первое дыханіе весны. Наступила Св. четыредесятница, уныло и рѣдко гудитъ церковный колоколь, призывая на покаяніе грѣшныя души, жаждущія очище-

ня, и какъ-то особенно хорошо отзывались эти удары въ душѣ истиннаго христiянина; вотъ и опять постъ, думалъ онъ, вотъ и опять церковь дастъ мнѣ случай покаяться... Вѣрные призывному голосу церкви, крестьяне и крестьянки, старики и старушки спѣшили теперь въ церковь и навсѣхъ лицахъ можно было прочесть глубокое смиреніе. Церковь стала полна народу, послышалось монотонное заунывное пѣніе, начался великій канонъ и нашъ загадочный баринъ сталъ еще ревностнѣе посѣщать церковь. Его лицо изможденное постомъ, его смиреніе и эта жаркая молитва дѣлали его настоящимъ подвижникомъ.— Вотъ ужъ наступилъ и пятокъ первой недѣли, и я значительно уставши за исповѣдью прихожаецъ, возвращаюсь домой и узнаю, что мнѣ прислана записка отъ барина.— Въ запискѣ я многого не нашелъ, тутъ довольно лаконически было сказано: «прошу васъ незнакомый, но уважаемый батюшка, пожаловать ко мнѣ въ квартиру сегодня вечеромъ». Меня очень заинтересовала эта коретенькая записка и я спѣшилъ отправиться къ неразгаданному господину.

На мой легкій стукъ дверь уединеннаго домика растворилась и я встрѣтилъ на порогѣ барина съ улыбающимся лицомъ.— Пожалуйте вотъ сюда, Батюшка, въ эту комнату, а я сейчасъ приду къ вамъ,— сказала онъ мнѣ, и удалился въ противоположную комнату.

Комната, въ которую я вошелъ, была маленькая. Стѣ-

ны, обитыя фіолетовымъ шпалеромъ, приняли отъ времени темный видъ; шторы, опущенныя на окна и не пропускавшія свѣта въ комнату, дѣлали эту маленькую каморку какой-то мрачной. Впереди стояло рѣзное распятіе, а предъ нимъ лежалъ разложенный молитвенникъ. На столѣ предъ диваномъ лежало Евангеліе въ русскомъ переводѣ, нѣсколько духовныхъ журналовъ, огромный, искусственный черепъ и кой-какія бумажонки. Я походилъ нѣсколько времени по комнатѣ и усѣлся въ кресло, въ ожиданіи хозяина.

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ, наконецъ, онъ, входя въ комнату и подходя ко мнѣ подъ благословеніе.

— Здравствуйте, отвѣтилъ я, благословляя его.

— Садитесь, пожалуйста, вотъ тутъ—на диванъ-то.

Я сѣлъ.

— Извините пожалуйста, что я побезкоилъ васъ въ такую пору, тещь ужь 11-й часъ и вы, быть можетъ, уже скоро хотѣли ложиться спать,— при вашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, это необходимо, у васъ теперь много трудовъ.... но вы не будете обижаться, когда узнаете причину моей просьбы къ вамъ, сказалъ онъ.

— Помилуйте... къ чему такія извиненія, отозвался я. Мнѣ, какъ человѣку, будетъ очень интересно познакомиться съ вами, потому что здѣсь пѣтъ никого, съ кѣмъ бы можно поговорить о чемъ нибудь серьезномъ; потомъ,

как пастырь, я долженъ по своей обязанности придти къ вамъ, потому, что, быть можетъ, вамъ нуженъ я, какъ пастырь, какъ врачъ духовный.

— Именно такъ: вы мнѣ нужны, какъ врачъ.... Мнѣ нужно ваше поученіе, ваше теплое сочувственное, наставительное слово. Вы теперь лицомъ къ лицу съ дряхлымъ, изможденнымъ, не успѣвшимъ оправиться отъ моральной болѣзни, членомъ церкви.

— Очень, очень радъ, что могу послужить вамъ. Прошу говорить все, что есть у васъ на душѣ, мое дѣло раздѣлять всѣ нужды моихъ пасомыхъ, врачевать ихъ раны и приводить къ отцу небесному....

— Благодарю, благодарю васъ, батюшка... такъ позвольте попросить у васъ вниманія и терпѣнія для выслушанія разсказа моей короткой, но дурной жизни.— Когда вы узнаете ее, то лучше вамъ будетъ предписы-
вать то или другое средство для моего уврачеванія.

— Я слушаю...

— Отецъ мой, началъ онъ, былъ мелкопомѣстный помѣщикъ, и въ Я... губерніи Д... уѣзда принадлежала ему одна деревенька. Въ этой-то деревнѣ мой батюшка имѣлъ большой домъ, въ которомъ онъ постоянно жилъ и въ которомъ я получилъ первоначальное воспитаніе. Мой батюшка постоянно почти былъ дома и вмѣстѣ съ матушкой старался вложить въ меня начала всякаго добра,—«христіанскаго благочестія». Оба они любили раз-

сказывать мнѣ разныя священныя исторіи, и, часто бывало, слушая эти рассказы въ продолженіи долгаго зимняго вечера, я такъ и засыпалъ, гдѣ сидѣлъ. — И, Боже мой, какіе сладкіе сны тогда грезились мнѣ! Все что я ни слышалъ въ этотъ вечеръ, отражалось у меня во снѣ, и въ моемъ истинно-невинномъ воображеніи, какъ бы въ туманѣ, проносились дорогіе, священныя образы изъ разсказовъ родителей. Вотъ какъ теперь вижу — Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, обагранный кровію, виситъ на деревѣ, Его глаза полны любовью и Онъ проситъ Бога — Отца отпустить мучителямъ: *нездѣтъ бо, что творятъ.* И Божія мать — какъ теперь вижу — стоитъ при крестѣ, съ блѣднымъ лицомъ, полная безпредѣльной любви къ страдающему Сыну, — и сколько муки и страданія выражается въ ея очахъ! Всѣ эти сны наполняли мою душу неизъяснимымъ блаженствомъ, я переживалъ много такого, что недостуино иногда другому человѣку, и на моемъ лицѣ показывалась кака-то неземная улыбка, какъ говорила моя добрая мать. И сколько радости было у нихъ, когда они любовались мной у моей кровати: «съ ангелами бесѣдуетъ», говорили они. Тихо, плавно текла моя жизнь и я былъ примѣрный ребенокъ. Я молился, и моя дѣтская молитва была искренняя, усердная и теплая, — хорошо жилось тогда и не можно безъ радостнаго замиранія сердца вспоминать теперь объ этой дѣтской жизни. Но не всегда же должна была продолжаться эта

блаженная жизнь: мнѣ исполнилось 10 лѣтъ, и я поступилъ въ одно изъ средне-учебныхъ свѣтскихъ заведеній. Тяжело мнѣ было привыкать къ новой жизни; въ заведеніи, въ которое я поступилъ, я уже не слышалъ болѣе того теплаго, истинно религіознаго, наставленія, какое мнѣ давалось дома на каждомъ шагу. Сначала я былъ религіозенъ и часто молился.—Молился я... но эта молитва была часто причиной насмѣшекъ моихъ товарищей. Всѣ воспитанники этаго заведенія, безъ надзора богобоязненныхъ родителей, были страшными кощунниками, и ихъ язвительныя насмѣшки сыпались градомъ на мою голову за мою религіозность.—Время шло, поддержки у меня не было, и моя охота къ молитвѣ пропала, сначала потому, что я боялся товарищей, потомъ ужъ это обратился въ привычку; я присталъ къ моимъ товарищамъ, и молитва болѣе уже никогда мнѣ не приходила на умъ. Бесѣды и разговоры наши были самые грязныя, богопротивныя: насмѣшки надъ Священнымъ Писаніемъ, надъ Богослуженіемъ, надъ усердіемъ и религіозностію нѣкоторыхъ священниковъ и простаго народа—вотъ что было постояннымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Сначала меня коробило отъ всего этаго, потомъ время и общество притупили во мнѣ и это послѣднее проявленіе добраго—остатокъ домашняго воспитанія. Но все-таки, какъ я ни опошлялся въ этой средѣ, во мнѣ было сознаніе того, что я грѣшу этимъ предъ Бо-

гомь, но я продолжалъ дѣлать за одно съ товарищами... Иногда,—это бывало очень не рѣдко,—я чувствовалъ потребность молиться и даже начиналъ молиться, но это была уже не прежняя молитва,—это была скорѣе механическая работа, несогрѣтая сердцемъ, и я чувствовалъ, что чего-то недостаетъ во мнѣ... Время шло, я перешель въ послѣдній классъ, и тутъ-то окончательно совершилось мое паденіе, и прежнія насмѣшки надъ обрядами и религіозностію людей перешли въ полное осмѣяніе всей Божественной религіи. Одинъ товарищъ былъ гдѣ-то на сторонѣ зараженъ матеріализмомъ и проповѣдывалъ страшныя вещи въ нашемъ кружкѣ. Однажды принесъ онъ къ намъ Бюхнера, и я съ жадностію бросился на этаго развратителя. Господи, чего я тутъ не читалъ! Время летѣло, и я сдѣлался отъявленнымъ матеріалистомъ. Бытіе Бога, бытіе души, будущая загробная жизнь — все это я считалъ порожденіемъ фантазіи, и зло смѣялся надъ всѣмъ. Крестъ—это орудіе нашего спасенія, я сбросилъ съ себя и съ какимъ-то презрѣніемъ посмотрѣлъ на него. —Когда стоялъ въ церкви, по приказанію начальства, какъ издѣвался я, какъ смѣялся надъ отпращиваніемъ божественной службы! Когда наступали постные дни, я нарочно старался погушать скоромнаго, чтобы показать полное презрѣніе къ церковнымъ постановленіямъ. Св. иконы, житія Святыхъ были главными предметами моихъ насмѣшекъ. Всегда предъ причастіемъ Св. Тайнъ я старался хоть чего нибудь да поѣсть, потомъ ужъ и шель

для приобщенія. Однимъ словомъ, въ это время я былъ какимъ-то извергомъ, а не человѣкомъ. Но вотъ наступило время моего выхода изъ заведенія, и тутъ-то со всей силой я ринулся въ бездну погибели, и много я увлекъ за собой чистыхъ невинныхъ душъ...

Бракъ есть предразсудокъ, такъ думалъ я, и первой моей заботой по выходѣ изъ института было распростра-неніе этой идеи. Я былъ вхожъ въ одинъ домъ, гдѣ жила молодая женщина, — несчастная замужествомъ. Вме-сто того, чтобы поддерѣпить ее, упадающую духомъ, и вложить въ нее упованіе на Бога, я сталъ проповѣды-вать свои идеи о бракѣ... и горе мнѣ — бѣдная женщи-на расторгла оковы брака и бросилась мнѣ на шею. Бѣдная — она ожидала отъ меня хоть чего нибудь чело-вѣческаго, но я тогда былъ опошленный матеріалистъ и далѣе чувственныхъ наслажденій ничего не видѣлъ. Дру-гой жертвой моего разврата была одна дѣвушка... Ви-новникомъ и нравственнаго и матеріальнаго ея паденія былъ тоже я, — это тогда называлъ я умѣншемъ пользо-ваться обстоятельствами. Сначала она еще скрывала свой развратъ, но потомъ пошла обычною и широкою дорогою всѣхъ надшихъ женщинъ. Да, за эти падшія души мнѣ придется отдать страшный отчетъ Господу! я ихъ соблазнилъ, а въ Писаніи сказано: уне есть да объ-сится жерновъ (соблазнителью) на выю и потонеть въ мо-рѣ.

Разумъ нашъ слишкомъ несиленъ остановить насъ отъ пошлости, когда въ насъ нѣтъ голоса совѣсти; такъ и я, заглушивши все святое въ моемъ сердцѣ, хотя и старался руководиться во всемъ разсудкомъ, но онъ не помогаль мнѣ, и я окончательно погибаль. Съ товарищами такими же, какъ и я, окруженный развратными женщинами, я проводилъ цѣлыя ночи за бутылками вина, и чего небывало въ этихъ шумныхъ бѣсовскихъ оргіяхъ... Время шло, я еще больше развратился и окончательно погрязъ въ безднѣ преступлений. Казалось чего больше: человекъ окончательно погибъ, и никакая сторонняя рука не могла меня вытащить изъ этого ому-та; но знать нѣсть грѣхъ, побѣждающъ милосердіе Божіе, знать Господь не хочетъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему; если мнѣ не могъ помочь человекъ, то помогъ Всесильный Господь, котораго я отвергаль; особенное дѣйствіе промысла Его обратило меня на путь истинный и воззвало къ нравственному возрожденію.

Въ одинъ годъ померли холерой мои добрые родители, и ихъ-то теплая молитва предъ престоломъ Всевышняго, должно быть, повела къ исправленію заблудшаго сына. По полученіи о смерти ихъ извѣстія, я отправился въ село къ ихъ могилѣ. Странно: какъ я ни опощлѣлъ, какъ ни смѣялся надъ всѣми святыми чувствами челаѣвка, все-таки эта привязанность къ родителямъ

осталась, и холодный развратный умъ уступилъ голосу сердца—желанію побывать на могилѣ, и не осмѣялъ его. Это я приписываю особенному дѣйствию промѣла Божія, потому что эта поѣздка на родину была началомъ или поводомъ къ моему исправленію.

Приѣхавши въ родное село, я спросилъ церковнаго сторожа, гдѣ могила такихъ-то, и, не думая перекреститься на церковь, отправился къ указанному мѣсту.... Вотъ уже могила отъ меня шагахъ въ 10, вотъ уже я вижу свѣжую насыпь, но... вдругъ потемнѣло у мѣня въ глазахъ, дыханіе захватило, голова закружилась, и я упалъ безъ памяти на землю. Незнаю, что со мною тутъ было, только я въ сознаніе пришелъ ужъ въ квартирѣ, нанятой лакеемъ у одного крестьянина. Изъ разсказовъ его я узналъ, что всѣ окружавшіе меня думали, что со мною ударъ, потому что я былъ безъ памяти, съ багровымъ лицомъ и пѣной у рта. На другой день я всталъ совершенно здоровый и, какъ ни ломалъ голову, немогъ объяснить себѣ,—отъ чего со мною сдѣлался такой припадокъ. Потомъ я опять въ тѣ же часы дня отправился на могилу, но каково было мое удивленіе, когда и въ этотъ разъ случилось со мной то же, что вчера! Думая, что меня постигла падающая болѣзнь, периодически возвращающаяся въ извѣстные часы дня, я на третій день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошелъ на четвертый день, и, какъ только сталъ

приближаться къ могилѣ, прежній припадокъ снова повторился. Вставши утромъ на другой день, я встрѣтилъ своего лакея какимъ-то испуганнымъ, боящимся меня. Послѣ я узналъ, что онъ тутъ же порѣшилъ, что въ этихъ припадкахъ что нибудь недоброе и что я должно быть слишкомъ грѣшенъ, коли господь не допускаетъ до могилы родителей. Счастливецъ меня онъ былъ тогда: у него была вѣра въ промыслъ, вѣра въ Бога, а я былъ жалкій человѣкъ, и не хотѣлъ признавать во всемъ этомъ дѣйствии перста Божія. Впрочемъ меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послалъ въ ближнюю станцію за докторомъ. Докторъ обѣщался прийти на другой день, и, въ ожиданіи его, я уснулъ часовъ въ 12 ночи. Утромъ я проснулся рано и — Боже мой! — страшно вспомнить: я не могъ пошевелиться, языкъ неповиновался, я лежалъ весь расслабленный, тѣло мое было все въ огнѣ, губы высохли, я чувствовалъ страшную жажду и окончательно упалъ духомъ. Явился докторъ, осмотрѣлъ меня и далъ лекарство. Началось леченье... Сначала докторъ приписывалъ мнѣ лекарство безъ затрудненія, но потомъ долго, долго иногда простаивалъ надъ моей постелью, кусая губы, и вотъ однажды, послѣ шести недѣльнаго леченья, написалъ мнѣ на бумагѣ: «имѣя дѣло съ мужчиной, я открыто всегда говорю о его болѣзни, какъ бы она не была опасна: ваша болѣзнь необъяснима, несмотря на мои усилія от-

крыть ее, поэтому, не предвидя успѣха отъ трудовъ моихъ, я оставляю васъ ждать, когда она сама собой откроется». Каковъ былъ мой ужасъ, когда меня оставляла человѣческая помощь, на которую я только и надѣялся. У другаго есть надежда на высшую помощь, но ее отвергъ мой развратный умъ. Время шло, болѣзнь моя еще больше усилилась, на тѣлѣ появились пупырышки, которыя перешли въ гнойныя раны, отъ которыхъ несся смраднй запахъ; и я не зналъ, что и дѣлать. Цѣлыя ночи я не спалъ и не находилъ себѣ покоя.—И какія страшныя картины рисовались тогда въ моемъ воображеніи! Вотъ какъ теперь помню, однажды мнѣ представилось: мрачное, сырое душное подземелье... смрадъ не даетъдохнуть, кругомъ тьма... отвсюду несутся стоны, крики и какое-то дикое рыданье... Страшно стало мнѣ, морозъ по кожѣ пробѣжалъ, я вздрогнулъ и раскрылъ глаза... Свѣча горѣла тускло... въ комнатѣ было темно, и я насилу забылся. Какъ только я сталъ засыпать, вдругъ почувствовалъ въ своей рукѣ другую руку. Я вздрогнулъ, раскрылъ глаза и—Боже мой—что я увидѣлъ? предо мной стояла моя мать. Я не могъ вообразить, какъ и какимъ образомъ она очутилась предо мной. Да вѣдь она умерла, подумалъ я, какъ же она можетъ существовать? А между тѣмъ сердце билось при видѣ дорогой матери. Она была вся въ бѣломъ и только въ одномъ мѣстѣ было черное пятно; ея лице было

сумрачно и она была вся въ какомъ-то полумракѣ. «Я твоя мать, начала она, твои беззаконія и твоя распутная жизнь, полная невѣрія и безбожія, дошли до Господа и онъ хотѣлъ истребить тебя, стереть съ лица земли. Ты не только погубилъ себя, но даже запятналъ и насъ, и это черное пятно на моей одежѣ — твои тяжкіе грѣхи. Господь, говорю, хотѣлъ поразить тебя, но отецъ твой и я молились предъ престоломъ Всевышняго о тебѣ, и Онъ захотѣлъ обратить тебя къ себѣ не милостію, потому что ты этого немогъ понять, а строгостію. Онъ зналъ, что одна могила наша для тебя дорога здѣсь и потому не подпустилъ тебя къ ней, поражая сверхъ-естественною болѣзнію; дабы ты призналъ надъ собою высшую силу, тобою отвергаемую, но ты не обратился. Потомъ Господь послалъ меня къ тебѣ — это послѣднее средство для твоего исправленія. Ты не признавалъ Бога, будущей жизни, безсмертія души, вотъ же тебѣ доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю съ тобою. Увѣруй въ отрицаемаго тобою Бога. Помни твою мать, которая, жизни не жаль, старалась сдѣлать изъ тебя истиннаго христіанина. Съ этими словами лицо ея еще больше помрачилось, глухіи могильныя рыданія раздались въ комнатѣ и потрясли мою душу. Еще разъ закликаю тебя, продолжала мать, обратись къ Богу. Ты не вѣришь, и, можетъ быть, думаешь объяснить мое явленіе разстройствомъ твоего

воображенія, но познай, что твои объясненія ложны, и я своимъ духовнымъ существомъ предстою предъ тобой. И, въ доказательство этого, вотъ тебѣ крестъ, отвергнутый тобою,—прими его иначе погибнешь. Увѣруй, и твой болѣзнь исцѣлился чудеснымъ образомъ. Погибель и вѣчный адъ тебѣ, если ты отвергнешь меня.» Такъ сказала мать и скрылась. Я опомнился и увидалъ въ рукѣ своей маленькій крестикъ, во всей комнатѣ пахло чѣмъ-то не выразиимо-хорошимъ. Сверхъестественное явленіе матери, ея просьбы и проклятія потрясли до самой сокровенной глубины мою душу; никогда, кажется, небыло со мной такого переворота, совѣсть поднялась со всей силой, прежнія убѣжденія рушились и я въ минуту, кажется, весь переродился. Какое-то сладостное непонятное чувство у меня явилось въ груди, и я хотѣлъ ужъ поблагодарить Бога за его милость, за Его благодатное обращеніе меня; но вотъ услышалъ, что кто-то идетъ ко мнѣ... я прислушался, и въ комнату мою вошла лакей, держа у себя чайную чашку съ водой.—Искушай-ко, батюшка, можетъ и полегче будетъ: это святая водица съ животворящаго креста, проговорилъ мой лакей, подавая чашку. Я съ радостію принялъ его предложеніе и, приподнятый имъ, выпилъ воды. Господи! немогу вспомнить хладнокровно этой чудесной минуты, я тутъ же почувствовалъ себя здоровымъ: члены стали повиноваться, языкъ сталъ свободно говорить, на мѣстѣ

струповъ остались только одни пятна, и въ этомъ-то подтвердились слова матери. Я всталъ и первымъ моимъ дѣломъ было помолиться предъ образомъ, который принесъ лакей, у меня же своего небыло, потому что я считалъ это глупостью. Послѣ этого я пошелъ въ церковь и тамъ молился... и сколько было искренности въ этой непритворной молитвѣ, когда душа могла свободно высказаться предъ Господомъ, послѣ долговременнаго рабства въ оковахъ грѣха. Тутъ же я отправился на дорожную могилку... цѣловалъ я ее, плакалъ и эти слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаяніемъ блуднаго сына. День моего изцѣленія—и духовнаго и физическаго былъ 15-е число іюля, и я всегда праздную его, какъ день своего избавленія. Прибывши еще нѣсколько дней тамъ, я рѣшился уѣхать оттуда сюда, потому что въ судебные слѣдователи поступилъ одинъ товарищъ моей буйной жизни, а видѣться съ нимъ мнѣ не хочется. Въ свѣтъ же я не поѣду, потому что онъ мнѣ опротивѣлъ. Я здѣсь хочу потрудиться, загладить свою прежнюю жизнь. Завтра будутъ у васъ участники и вы, быть можетъ, позволите мнѣ присѣсть къ вамъ, потому что я лѣтъ десять не былъ удостоенъ этого,—вы же мнѣ посовѣтуете, что мнѣ дѣлать для заглаженія прежней моей жизни.

Долго, долго я говорилъ съ этимъ господиномъ, долго и много я давалъ ему совѣтовъ, и наконецъ пошелъ

домой. Слава Тебѣ, показавшему свѣтъ этому человѣку,
думаль я, иди дорогой и сердечно радуясь обращенію
грѣшной души на путь истины.

Свящ. *И. Я.*

ОПЕЧАТКИ ВЪ № 1 САРАТ. ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ
ВѢДОМОСТЕЙ:

Стран. строк. напечатано:	должно читать:
17 12 съ потомъ	съ почетомъ
31 5 снизу будущаго	прошлаго.

Сарат. Епархіальныя Вѣдомости выходятъ еженедѣль-
но ПО ВТОРНИКАМЪ.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей, при Са-
ратовской Духовной Семинаріи.

Годовая цѣна 5 р. сер.; а за 7 мѣсяцевъ прошлаго
года 3 р. сер.

Редакторъ *Архимандритъ Александръ.*

Дозволено цензурою. Саратовъ, 10 января 1866 года.

Въ типографіи Саратов. Справоч. Листка.